

Роберт ФУЛЕР, американский бизнесмен, руководитель агентства «Чистая земля», Общественной организации «чистильщиков» грязных мест на планете. Агентство выявляет и финансирует во всем мире очищение загрязненных в результате человеческой деятельности мест при условии софинансирования местными администрациями, таким образом, мотивируя их заниматься этой работой.

Ф. - Я познакомился с Яблоковым во Флориде в 2003. он проводил там конференцию «Новый взгляд на экологические последствия и загрязнения. Химическое воздействие на биологию». И вскоре после этого я побывал у него в Москве. Он поддержал мою идею открыть в России отделение нашего агентства «Чистая земля».

Так что я на протяжении нескольких лет раз в полгода обязательно бывал в России.

У нас было много совместных проектов с Алексеем и его командой. Так что я его узнал довольно хорошо.

Он был человеком увлеченным и энергичным.

Он по-настоящему давал тебе почувствовать, что ты именно тот человек, который может все изменить.

В этом он был просто мастер, я видел, как он собирал людей вокруг себя и заражал их энтузиазмом, и они чувствовали, что они могут что-то сделать. Это было его интересным качеством.

Но я думаю, что если посмотреть на последние годы его жизни, последние, скажем, 10 лет, то он был подавлен тем, в каком положении находится проблема загрязнений в России и недостатком внимания к ним при режиме Путина.

И хотя он был разочарован результатом борьбы, он все время призывал двигаться дальше. Это довольно круто.

Корр. - То есть он давал силу другим?

Ф. - Да, давал силу. Всегда, именно так. Я видел его примерно за полтора года до смерти,

Я приезжал к нему на дачу в деревню. Провел там пару дней с ним, с его женой и Сергеем.

Мы проехали по окрестностям, были в магазине шоколадной фабрики.

И они мне сделали баню. У нас была правильная русская баня, на

дровах и все такое. Это было здорово.

Я провел очень много времени в разговорах с ним о том, что он считал самым важным, что нужно сделать, чтобы получить конкретное качественное изменение в определенной сфере. И в стране. Он над этим серьезно думал. И он рассказывал о своем опыте работы с Ельциным.

Он ведь был не просто кабинетным управленцем в области экологии. Должность давала ему рычаг для существенных изменений, и он много великих вещей сделал. Особенно, связанных с радионуклидами.

Это было потрясающе, услышать, как все это происходило и продвигалось.

И опять же, он меня подбадривал своей уверенностью.

Говорил, ты можешь это сделать. Продолжай, то, что ты говоришь, звучит отлично.

Он хороший человек.

Корр. - Как Вы думаете, почему он решил заниматься экологическими проблемами как политик, какие у него на это были причины?

Ф. - Ну, он ученый. От Бога. Из узкого круга академиков Москвы. И когда вошел в администрацию, так сложилось, он стал депутатом парламента, потом членом команды Ельцина. Это неизбежно для него было из науки уйти в политику, это, конечно, для него было увлекательно, но, скорее всего, совершенно не то, что он мог бы ожидать, как сложится его жизнь. Но он с этим справился, он сделал очень много хороших вещей. Реализовал много программ. Например, захоронения советских ядерных отходов. Он колоссальные изменения внес в вопрос с подводными лодками в Баренцевом море, если я правильно помню.

Он был тверд, даже упрям, но ученый, в первую очередь, за всем этим стоял в первую очередь ученый.

В 2008-м я учредил журнал, как часть Pure Earth, журнал о здоровье и загрязнениях.

И он сразу отреагировал, дал старт, дал свое имя для запуска.

Теперь этот журнал окреп, теперь это солидное издание. И Яблоков опубликовал в нем довольно много работ.

И некоторые из них были очень острыми. И мы их напечатали, несмотря на то, что мы за это часто получали от других ученых, которым не нравился такой взгляд на проблему воздействия

радионуклидов.

Это было здорово.

Знаете, что мне больше всего нравилось? Мне нравились в Алексее его лицо, брови и седая борода, огромные, кустами, брови.

И открытая улыбка. У него всегда на лице была открытая улыбка.

Он был радостным, позитивным человеком. Хороший человек.

Корр. - А как к нему вообще относились?

Ф. – Организацию, которую он основал. (Центр экологической политики России) в Москве, там работало, наверное, человек 30. финансировало довольно много международных фондов. Рев Charitable их финансировал, Фонд Макартуров давал многолетние гранты. Они проводили большую предварительную аналитическую работу, серьезное научное обоснование, по выработке политики в этой области. И он всегда считался старшим. Человек, к которому можно обратиться с вопросом, который знал все, все понимал в этих вопросах.

В нашем кругу он для нас был как Бог [God like figure], в наших вопросах . И когда планировались встречи, люди были счастливы, если он мог приехать, о, Алексей будет, как здорово! Рады Вас видеть! Он великий человек. Очень уважаемый. Я по нему скучаю. Он хороший человек.

Корр. - Как бы Вы оцениваете его научный вклад, его профессиональную деятельность?

Ф. - Как ученый, который публиковался в основном в России, он выпустил сотни работ. Но он также выпустил корпус трудов на английском.

Некоторые работы публиковались у нас в журнале, но также и в Environmental Health, полагаю, а также ЕНР. Он вообще довольно широко публиковался во всем мире. С этой стороны он был очень успешен, но его главным интересом всегда был новый метод понимания веществ, как они, особенно, радионуклиды, влияют на биоту и воздействуют на здоровье человека.

Во многих случаях он делал измерения до и после, как будет развиваться растение или как часто оно будет раздваиваться и создавать новое растение.

Или, например, он изучал форму листа, чтобы понять, как она меняется под воздействием разных видов радионуклидов. Я не знаю, насколько это идет в русле науки, но это потрясающая новая идея, которую он продвигал.

То есть, он постоянно работал над тем, чтобы показать, что есть последствия от того, что мы продолжаем выбрасывать в окружающую среду.

И он всегда оставался ученым, твердо, всю свою жизнь, был им больше, чем политиком.

Это было сутью его работы.

В плане его научных заслуг... Знаете, он был докладчиком (fellow) программы PEW. На протяжении, я думаю, пяти лет. Занимался исследованиями, которые доверяли всего нескольким людям во всем мире.

Он искал способ, как обходиться с конкретными загрязнениями в контексте сохранения глобального мира. И у него многое получалось. Он эту проблему выносил на уровень обсуждения во всем мире.

Корр. - Какое он оставил наследие, что люди будут помнить?

Сейчас ныне живущие люди помнят его живого, лицо, каким он был человеком. Но со временем это [обаяние личности] будет отдаляться [тускнеть], что останется в конце концов?

Ф. – Трудно сказать, предсказывать будущее, потому что мы не знаем, как окружающая среда будет меняться, политическая ситуация в России куда завернет... Я думаю, если мы посмотрим на его работу через десять лет, о нем будут помнить, как о бесстрашном предводителе борьбы за права человека в контексте экологии. С особым вниманием к проблеме радионуклидов, озабоченностью Чернобылем, озабоченностью советскими подлодками и другими проблемами, связанными с радионуклидами в России.

Он был мощной силой, которая стремилась минимизировать последствия ущерба от деятельности человека на земле ради здоровья и ради всей биоты.

Я думаю, что он будет восприниматься как один из предводителей экологического движения в мировом масштабе. Безусловно, сильнейший лидер из представителей России. Он великий человек.

Корр. - Еще один вопрос к Вам. Какое личное воспоминание останется у Вас в памяти, личная какая-то ситуация?

Ф. - Отличный вопрос! Думаю, что самое яркое воспоминание, это когда я был у него на даче. Я провел там полтора дня в разговорах о том, как ему удавалось что-то менять [в ситуации с экологией]. Я пытался узнать у него, какие нужно предпринимать шаги крупным

организациям, чтобы создать изменения . И мы говорили, и говорили почти всю ночь, очень долго. Я хотел понять, как он добился такого влияния.

Я ведь знал его только последние 20 лет. Я не знал его в молодости. Мы познакомились, когда он уже был значительным и авторитетным. И он заботился обо мне и о моей карьере, чтобы я двигался в правильном направлении, настраивал меня на успех. Он был наставником.

Корр - Вы говорили, что у вас были совместные поездки с презентациями за границей, в США.

Ф. - Да. У нас было несколько совместных поездок по США с разными программами и рабочими проектами. Мы также ездили по России, по местам, где были проекты Pure Earth. Мы работали вместе в Москве, в Челябинске, в Томске.

Однажды у нас была феерическая поездка ночью на машине. Мы приехали в Магнитогорск. Это было очень грязное место. Мы должны были уехать, потому что нам сказали, что если Вы останетесь на ночь, вас тут просто убьют. Так что мы просто уехали в ночь в другой город. И через шесть часов, плюс еще два, мы приехали в другой город.

Мы в него и должны были приехать, но приехали гораздо раньше. Так что у нас было приключение

Корр. - Убить – почему? Это было опасно?

Ф. - Это было опасно, потому что мы говорили, что люди там умирают преждевременно. Мы выступали по телевидению, говорили, что это место токсично, воздух сильно загрязнен металлами и [токсичными] частицами. Дети, школьники все с астмой, то есть 99% детей больны астмой.

И мы дали пресс-конференцию с мэром, который на это пошел, согласился. И когда пресс-конференция закончилась, нам передали слова владельцев компании этого производства, что на ночь нам тут лучше не оставаться. Нужно уехать из города. И мы поехали .

Корр. - И как люди, которые живут в таких местах, реагировали на его работу? Ведь их жизнь, экономика, местная экономика зависят от производства и загрязнения? Это трудно изменить.

Ф. - Да, но суть в том, что настоящие деньги из этого извлекает именно владелец. И он там не живет. Ну или живет по ветру выше. Туда только приезжает.

Люди, которые живут в эпицентре загрязнения, не имеют выбора.

Они бы хотели, чтобы было чище. И они стремились увидеть кого-то, кто может их защитить и помочь это сделать. Мы не выступали за то, чтобы закрыть предприятие. мы выступали за то, чтобы контролировать выбросы, опасность-то реальная.

И люди действительно стремились к тому, чтобы это произошло. Так что приезд Яблокова был событием. Им было очень важно, что он приехал. Это вообще было очень важно, что Яблоков туда приехал.

В России есть очень токсичные места. Самые токсичные в мире. Нам нужны новые Яблоковы...